

09.00.00 Philosophical sciences

09.00.00 Философские науки

UDC 321.01

Methodological Aspects of the Power Discourse in Post-Modernism Philosophy

Maria U. Yatsevich

Kuzbass State Technical University, Russia

28, Vesennyaya, Kemerovo, 650026

PhD (Philosophy), Associate Professor

E-mail: maria762003@list.ru

Abstract. The article studies theoretical grounds of power discourse in Post- Modernism, presents philosophical analysis of methodological principles, originating the conceptual framework of the power discourse in the works by contemporary western philosophers. Special attention is attached to the lack of ontological measurement of power relations in the works by Post-Modernism philosophers. The interrelation of management principles in modern society and ontological theses in the works by Post-Modernism has been justified.

Keywords: Society; social discourse; power relations; Post-Modernism; social control; social structures.

Введение. Современная социальная реальность претерпевает серьезные изменения, в том числе, в системе управления общественными структурами. Власть является одним из столпов организации социальной жизни, она фундирует ее основополагающие процессы, задает систему векторов и определяет ракурс развития общества. В современной философии теория власти является одной из самых обсуждаемых. Поводом тому стал кризис господствующего социально-философского дискурса, который традиционно интерпретировал и генерировал социальные практики в западноевропейском обществе.

Материалы и методы. Для исследования особенностей интерпретации властных отношений с позиции постмодернистской парадигмы использовались работы философов: Ж. Делеза, М. Фуко, Р. Рорти, Р. Барта, Ю. Хабермаса, С. Жижека, М. Вебера, Р. Арона и других мыслителей. Это позволило охватить наиболее значимые исследования социальных явлений и выявить методологические особенности, характерные для данного подхода. В описании современных тенденций и принципов понимания сущности власти применялись методы концептуального анализа, исторического и логического.

Обсуждение. Сегодня в условиях изменения современных дискурсивных стратегий наблюдается появление принципиально новых форм интерпретации концепта власти. Отправной точкой для переосмысления сущности властных отношений явился кризис классической парадигмы в философии XIX–XX вв. и переход от логоцентрической рациональности традиционного европейского мышления к поливариативной эпистемологической установке, выработанной постструктурализмом (постмодернизмом).

В современной социальной философии можно выделить две основные тенденции в исследовании власти: идеологическую и общетеоретическую (эпистемологическую). Первая ориентируется на необходимость учитывать идейно-политические предпочтения исследователей в интерпретации социальных феноменов (М. Вебер, Р. Арон). С этой позиции считается, что доминирующие в современном мире идеологические установки (либеральная, консервативная, социально-демократическая) являются наиболее значимым фактором в организации современных социальных практик и накладывают серьезный отпечаток на понимание сущности власти.

Другая традиция познания сущности социального управления была разработана постструктуралистами: Р. Бартом, М. Фуко, Ж. Лаканом, Р. Рорти, Ю. Хабермасом. Стоит отметить, что данная позиция сформировалась на условиях отрицания онтологической подоплеки в исследовании социальных практик. Радикальный отказ от описания реальности как

объективного бытия полностью перевернул теорию властных отношений. По их мнению, познание власти, как и других социальных феноменов, основывается на необходимости выявления общетеоретических предпосылок и эпистемологических условий, предопределяющих описание объекта. Такой способ познания противопоставляется классической репрезентативной методологии, поэтому в процессе интерпретации социального бытия предлагается учитывать влияние «трансцендентального означающего» – познающего сознания, продуцирующего порядок описания объекта из собственных субъективных структур. Это нивелирует онтологическое измерение социальных практик и лишает исследователя претензий на владение абсолютной истиной и статуса эксперта в определении социальных идеалов.

Отправной точкой в формировании такого рода стратегии является трансформация, так называемой, «эпистемологической решетки» [1] – категориально-понятийного комплекса и методологического аппарата исследований, присущих классической модернистской парадигме. Источником деструкции классической методологии стало изменение отношения к сущности и статусу субъекта в эпистемологии. Постмодернизм разрушает традиционную позицию новоевропейского научно-философского дискурса, фундированного представлениями о субъекте как центре мироздания. Новый субъект постмодерна может быть осмыслен как калейдоскоп фрагментов идентичности, «пристегнутых» к локально-историческим и культурным обстоятельствам. Превращение субъекта в текст или историю (нарратив) делает невозможным его отношение к самому себе, как к чему-то постоянному, существующему независимо от мира символов и знаков, которыми он опутан со стороны общественных представлений. Субъект как иерархически привилегированная точка перестал быть носителем объективной истины в логоцентрическом мире. Таким образом, основная канва новой интерпретации социального бытия определяется радикальной критикой разума и объективизма.

Одним из первых, кто решился на деструкцию традиционной рационалистической теории власти, был Ф. Ницше. Его концепция власти связана с отказом от дуалистичной модели «господин-подчиненный», как вариации субъект-центрированного мышления. Ницше отвергает интерпретацию власти в рационалистическом ключе как подконтрольного разуму феномена, гарантирующего обществу структурированность и порядок на онтологическом уровне. Все межличностные коммуникации и социальные отношения Ницше центрирует вокруг понятия «воля к власти». Безличная сила «воли к власти» заключена, по его мысли, в самой сущности человека и всегда направлена на овладение внешним миром. Познание мира, будучи «волей к истине», оказывается формой проявления иррационального стремления «воли к власти» [2]. Таким образом, знание есть экспансия своего видения мира, следовательно, доминирования в обществе. Власть, с этой позиции, воспринимается как особый способ установления в социальном мире собственной концептуальной структуры, определяющей границы истины и морали для «другого».

Последующие неклассические версии власти тесно связаны с ницшеанскими представлениями о влиянии концептуальных каркасов на властные отношения. Большинство представителей современной философии от структуралистов до постмодернистов (М. Фуко, Р. Рорти и др.), так или иначе, обращаются к исследованию комплексов «власть-знание», опираясь на критику рационалистической эпистемологии и корреспондентной теории истины. Эпистемы (общие познавательные структуры) являются «фикциями», которые мы налагаем на реальность, приспособлявая к собственным потребностям (политическим, экономическим, сексуальным) – такова позиция постмодернизма.

В результате власть облекается в форму естественной потребности, присущей человеку и укорененной в глубинах его психики. Она проявляется как физиологическая необходимость, направленная на поддержание определенного способа существования человека. Власть воспринимается как естественный инстинкт агрессивной человеческой природы, который диктует жажду доминирования, предполагая определенные действия и стереотипы поведения. Собственно, в глубинах бессознательного и происходит генезис модели «господства-подчинения», проявляющийся в тексте (через слово, язык) (Р. Барт, Ж. Лакан), в повседневных практиках и взаимоотношениях (семья, секс, образование) (М. Фуко), в идеологии (Ж. Делез, Ф. Гваттари, С. Жижек), а также в науке и философии (Р. Рорти). Отсюда общей установкой неклассического дискурса власти становится попытка выявления форм и методов принуждения, осуществляемых помимо сознания индивидов, что определяет переход от попыток дефиниции власти к ее систематизированному описанию.

Как следствие, постмодернисты обнаруживают власть «везде», лишая ее иерархически привилегированной точки. «Вездесущая» власть лишена онтологического измерения и рациональной подоплеки. Природа власти состоит в особенностях социальной коммуникации – конфликте взаимоопределяющихся личностей, стремящихся к бессознательной идентификации. Язык, семья, государство, политические институты, экспертные организации, научное и медицинское сообщества, исправительные и образовательные учреждения – все это на поверхности и является формой кристаллизации бессознательных порывов в стремлении к господству и доминированию. Эту мысль одним из первых в своих исследованиях сформулировал М. Фуко.

Французский мыслитель связывает существование феномена власти с языковым сознанием, наделяющим смыслом и значением социальные практики. Эта структурированная система «интерсубъектных» властных отношений проявляется как «порядок», налагаемый на эти отношения (т.е. как их организация, упорядочение и, одновременно, требование послушания и повиновения). Общество по Фуко, – это «бессознательный интертекст», мозаика, состоящая из желаний и инстинктов человечества, зафиксированных в языке и легитимированных документах. Проявление власти в обществе он понимает как способ регулирования взаимосвязей между субъектами, объектами и конфигурациями социальных практик при помощи системообразующей регламентации генерального дискурса (языкового сознания) [1].

Следует отметить, что идею о языковой природе власти развивали многие из представителей постмодерна. Р. Барт полагает, что сам язык и есть проявление власти. Он акцентирует внимание на связи языка с феноменом принуждения, а социальные основы формулы «господство-подчинение» философ сводит к дискурсивным практикам и политическим идеологиям. По его мнению, сам язык является диктатором, предписывающим сознанию логические схемы в процессе означивания вещей и любой дискурс, связанный с ценностными концептами, является «дискурсом власти». Все коммуникативные акты обязательно проходят через механизмы вторичного означивания (смыслы, понятия, символы, с помощью которых происходит маркирование необходимых для власти идеалов и ценностей). В результате все взаимодействия между индивидами облекаются в форму подчинения и принуждения, что приводит к мысли о невозможности социальных процессов вне системы властных отношений [3].

Власть не является чем-то внешним по отношению к человеку. Напротив, по мысли Ж. Делеза и Ф. Гваттари, она коренится внутри человеческой психики, структурирует ее и, взаимодействуя с условиями материального производства, приобретает формы господства, характерные для определенной социальной системы. В понимании французских мыслителей западный тип властных отношений является результатом становления экономического и психиатрического дискурсов, которые они намеренно не редуцируют один к другому. Власть, для них, есть продукт «производства желаний», единство бессознательного стремления и материального производства (капитала) [4].

Так, важными позициями постмодернистского социального дискурса являются, с одной стороны, критика традиционной модели власти и скептицизм в отношении надежды на создание рецептов по упорядочению социальных структур. С другой – тотальная ревизия способов организации власти и принципов управления во всех сферах современного общества при помощи неклассических подходов (психоанализ, деконструкция, лингвистический анализ и др.). В результате, под пристальным вниманием философов нового поколения оказываются эпистемологические (при этом часто недооцениваются онтологические аспекты), структурные, функциональные особенности феномена власти, механизмы и способы подчинения индивидов, а также психологические, экономические и политические принципы осуществления власти. Так акцентирование внимания на эпистемологических аспектах и отсутствие внимания к онтологическому измерению властных отношений, во многом спровоцировали деконструкцию системы координат и символических ориентиров в социальной реальности.

В результате, кардинальная смена теоретических оснований в исследовании социальных феноменов поставила ряд новых принципиальных вопросов: как методологически возможно исследование принципов управления; актуальны ли традиционные методы рационально-логического познания для исследования современных властных структур; возможно ли свободное от идеологических означающих (как фактора принуждения) информационное пространство; и, наконец, почему институты власти в обществе постмодерна переживают

глубокий кризис, а стратегическое планирование основных процессов в обществе становится малоэффективным?

Попытки прояснить эти проблемы привели к мысли о том, что традиционный западный дискурс сформулировал систему управления, на основе которой была создана глобальная централизованная модель подавления индивидов и подчинения их господствующим структурам. Посредством противопоставления бинарных понятий: «рациональное» - «нерациональное», «коллективное» - «индивидуальное», «необходимость» - «случайность», «закон» - «хаос» и др. сформировались не только жесткие правила описания мира, но и образцы действий, отношений и общения индивидов. Это давало интеллектуальную опору власти и позволяло ей средствами государственного аппарата регламентировать коммуникации индивидов, задавая единые стандарты бытия и получая абсолютное господство на личностном уровне.

Влияние модернистской парадигмы власти часто связывают с такими негативными процессами в обществе, как тоталитаризм, конформизм, возникновение «общества потребления», рост насилия и манипулирование потребностями в массовом сознании в интересах господствующих слоев. Это приводит современных исследователей к мысли о необходимости акцентирования внимания на преодолении «издержек разума» в социальной теории и применении альтернативных неклассических методов социологического познания. Особенно важно это в условиях существующего противоречия между сохранившейся на сегодняшний день системой социального управления, фундированной традиционным дискурсом и современными явлениями эпохи постмодернизма (глобализация, мультикультурность, перформанс, поливариативность, мозаичность). Отсюда важным для современных философов становится создание новой методологии, способной адекватно исследовать актуальные проблемы общества.

Отметим, что разработка социального дискурса для представителей постмодернизма стала не просто концептуальной «игрой», призванной деконструировать теоретические тексты прошлого, но стратегией переустройства всей системы властных отношений для западного мира. По их мнению, плюралистичность в выборе методов социального воздействия позволит оптимизировать социальные структуры, а разнообразие элементов управления в системе сделает ее более устойчивой к кризисам, вызванным многомерностью развития современного общества. Власть должна сама скептически отнестись к себе самой и переформатироваться.

Изменения в обществе, инициированные широким распространением идей постмодернистов, не заставили себя ждать. Дискурс постмодерна, отрицая онтогносеологическую биполярность, утверждает новую версию описания процессов в бытии, которые характеризуются поливариативностью, ризоморфностью и нарративностью. Это предполагает ситуативное измерение социальных практик и властных структур. Властные отношения в постмодерне – это «игра», где правила заданы случайными условиями и обстоятельствами. Каждый свободный субъект социальных отношений, с позиции неклассической парадигмы, всегда свободен в выборе и реализации своих желаний. Актуальны лишь мозаичные ситуации и тексты истории, «сплетенные» множеством равных индивидов. Общество, по их мнению, это хаотичное соединение различных комбинаций и процессов, где правила может устанавливать любой представитель социальной группы. Но «игра» не должна превратиться в метасистему, глобальный дискурс, стать концепцией господства. Управление, как считают философы, должно быть ненасильственным и толерантным. Договор и диалог - средства для достижения взаимовыгодных решений [5].

Но в таком случае возникает проблема онтологического статуса источника и гаранта соблюдения правил бытия социума. Так, генерировать правила социальных действий обладает правом любой индивид, реализующий собственные потребности и имеющий достаточные возможности (психологические, экономические, идеологические) для управления. Это позволяет предполагать, что определенная личность, оказывая влияние на социальные практики и структурируя межличностные коммуникации, уже занимает онтологически привилегированное положение и создает условия для создания и реализации нового метапроекта или идеологии.

Заключение. Особенностью современного социального дискурса является принципиальный отказ от онтологического измерения властных отношений. Свойства реальности опускаются из описания социального мира и заменяются субъективными психологическими и эпистемологическими характеристиками, исключая бытие из системы ценностей. Бытие позиционируется как ризома, фикция. Оно не существует вне пределов индивидуального сознания и коммуникативных актов. Таким образом, происходит лишение

онтологических оснований социального мира. Отсутствие гаранта реальности – такого как Бог, Абсолют, Логос приводит к релятивизации социальных ориентиров и деструкции основных принципов функционирования общества.

Все это лишает онтологической значимости не только властные структуры, но и самого индивида – субъекта социальных отношений. В такой ситуации существует угроза девальвации культурных, нравственных оснований общества и нивелирование значимости самой человеческой личности. В результате происходит не просто «трансформация власти», но и возникновение различных структурных и функциональных аномалий в социальной системе, порождающей кризисные обстоятельства.

Сегодня при разработке принципов управления приходится учитывать ряд следствий постмодернистского дискурса. Это поливариативность и динамичность развития глобализующегося мира, мозаичность и «размытость» «ризоморфного» социального пространства, а также отсутствие доминирующих социально-этических установок, стабилизирующих и объединяющих общество. В этих условиях приходится констатировать, что в современном обществе уже не столь значимы концепты или методы, идеологии или религии. Обладателем власти сегодня может стать лидер-виртуоз, который сумеет балансировать в информационных потоках и ориентироваться в глобальных трендах, направляя социальные практики в определенное русло.

Примечания:

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практика, 2006. Ч. 3. 320 с.
2. Делез Ж. Ницше. СПб.: Аксиома, 1997. 186 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М.: ИНИОН РАН, 1990. 108 с.
5. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
6. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. 608 с.
7. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: «Юрист», 1994. 704 с.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: «Художественный журнал». 1999. 114 с.
9. Мазин В. «Лакан» // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева. Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2009. С. 282-283.
10. Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм: Лекция / Пер. с англ. С. Д. Серебряного. М.: РГГУ, 2004. 54 с.

УДК 321.01

Методологические аспекты дискурса власти в философии постмодерна

Мария Юрьевна Яцевич

Кузбасский государственный технический университет, Россия
650026, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: maria762003@list.ru

Аннотация. В статье проведено исследование теоретических оснований дискурса власти в постмодернизме. Представлен философский анализ методологических принципов, определивших становление концептуального каркаса дискурса власти в работах современных западных философов. Особое значение в работе уделяется проблеме отсутствия онтологического измерения властных отношений у философов постмодернистов. Обосновывается взаимосвязь принципов управления в современном обществе и онтологических положений в концепциях постмодернистов.

Ключевые слова: Общество; социальный дискурс; властные отношения; постмодернизм; социальное управление; социальные структуры.